

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Феликс КОХРИХТ Мы — одесситы... ..	331
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ Три архива	333
Ольга БАРКОВСКАЯ Это сладкое слово — "Либерти"	335
Олег ГУБАРЬ "...Нынче. Завтра — неизвестно!"	338

Мы — одесситы...

"...А это значит..." У каждого — свое ощущение от припева песни, исполненной Леонидом Утесовым в дни, когда "Одессу покидает последний батальон". Тогда от наших отцов и дедов, старших братьев, от тех, кто провожал их на фронт, требовались, прежде всего, мужество и выдержка. И, разумеется, особый оптимизм — родовое качество уроженцев Южной Пальмиры.

Михаил Бинов — из них. Он — из времени, когда деревья на Приморском бульваре были пониже, а по Французскому можно было прокатиться на извозчике... На улицах и в переулках, ведущих к морю, в разные годы жили наши замечательные земляки. Об одних, скажем, о Сергее Уточкине, Иване Микитенко, рассказывают энциклопедии, другие известны как герои произведений литературы (Александр Певзнер — скрипач Сашка из купринского "Гамбринуса"), третьи вписали в историю Одессы яркие станицы, но, увы, сегодня почти не известны горожанам (врач Чарльз Дюбуше, Александр Вадон, преподававший французский Исааку Бабелю, скрипичный мастер Александр Молчанов, легендарный куплетист Лев Зингертадь)... Много лет их жизнь и творчество исследует Михаил Бинов и, надо отдать ему должное, в большинстве случаев находит неизвестные факты биографий, документы, свидетельства современников, дополняющие наши сведения об этих значительных людях.

Результаты своего поиска писатель, журналист, краевед регулярно публикует на страницах печати, а недавно в одесском издательстве "Книга" увидели свет два изящных томика публикаций Бинова под общим названием — цитатой из легендарной песни, с которой мы начали эти заметки. Знаменательно, что автора зовут так же, как и героя Леонида Утесова...

Сердце будущим живет...

Вот и наступило время, когда в мемуарах, написанных потомственными одесситами, в каждой главе, а то и на каждой станице, встречаешься с теми, с кем сводила жизнь и тебя...

Таким откровением, встречей с детством и юностью, стали для меня воспоминания Татьяны Фоогд-Стойановой, вышедшие вторым изданием в "Оптимуме". Обычно в таких случаях принято уточнять: дополненным и расширенным, но в данном случае справедливо полагать эту меморию новой книгой. Дело даже не в том, что в ней больше страниц: автор перешла от перечисления воспоминаний к их осмыслению. Долгая жизнь — длинная линия, пересекающая ладонь девочки из интеллигентной семьи, где породнились врачи и библиотекари, педагоги и художники... Дворяне и разночинцы, купцы и мещане, люди разных кровей, но одной веры — православной. Достаточно вспомнить, что в большевистской Одессе перед войной принимала верующих лишь одна церковь — на Втором кладбище...

Детство блондинки Тани и чернявой Наташи — сестер Стояновых — проходило в коммуналке на Нежинской (я жил в этом доме после войны), на даче профессора Скроцкого на 11 станции Большого Фонтана. Его внука Юру я знал в юности, тогда же бывал в гостеприимном доме Великановых (старший — профессор — лечил маленькую Таню от скарлатины), довелось работать с еще одним профессором — Москетти, другом юности Татьяны... Она училась в одной школе (№ 37) с моим старшим братом Абой. Из их класса, получившего аттестат зрелости в мае 1941-го, с войны, кроме него, вернулись лишь трое — два парня и девушка...

Татьяна Стоянова и ее семья пережили оккупацию в Одессе. Особый интерес представляют именно эти страницы воспоминаний, записанные ею в молодые годы откровенно и искренне, но, главное, заново увиденные сегодня, спустя жизнь, глазами матери большого семейства, ощущающей всю меру ответственности не только за свое прошлое, но и за будущее светлоголовых, пошедших в голландца-деда Фоогда, внуков. На презентации книги своей энергичной и удивительно молодежьей бабушки старшие внимательно слушали наши теплые слова в ее адрес, а самая маленькая бегала по Золотому залу Литературного музея. Судя по старым фотографиям, она очень напоминает маленькую Таню, которой столько же — шесть лет — стукнуло в 1928-м. Тогда ей рассказывал о старой Одессе сам Александр Михайлович Дерibas, качал на коленях Владимир Петрович Филатов, а чуть позже прелестной барышне играл на старом дачном роя-

ле юный Светик Рихтер... А если добавить, что отчимом сестер Стояновых был блистательный поэт и переводчик Серебряного века Владимир Пяст, то...

Впрочем, отсылаю любознательного читателя к книге Татьяны Филипповны, избравшей для ее заголовка пушкинскую прозорливую строку: "Что пройдет, то будет мило...". Я же счел уместным предпослать этим заметкам строку из этого же стихотворения — ей предшествующую: "Сердце будущим живет..." Она как раз — к случаю.

Феликс КОХРИХТ

Три архива

Валентин Крапива
Архивы пустяков
Одесса, 2003

Есть люди, которые по велению души ведут архивы. Еще сами не зная, как они их используют. Может, архивы их утопят в тысячах подробностей, иногда чрезвычайно похожих, а иногда нелепо случайных. Но вот наступает мгновение, которое владец, коллекционер подробностей, и не ожидал. И то, что раньше казалось пустяками, игрой случая, становится закономерностью, так и просится на бумагу, чтобы не только развеселить читателя, но и убедить его в том, что Шекспир был футболистом, лорд Байрон — тенью Лермонтова, Ньютон — прекрасным садоводом. А все прочее — случайность.

Я люблю читать книги Валентина Крапивы, они остроумны и парадоксальны. Их можно читать, сидя в удобном кресле, в самолете, в поезде... Но главное — каждая из них предполагает следующую книгу, поэтому у автора так быстро растет полка собственных книг.

Борис Херсонский
Семейный архив
"Друк", 2003 год